

A decorative border of light gray flowers and leaves frames the top and sides of the page. The flowers are stylized with multiple petals and prominent centers, interspersed with small, pointed leaves on thin stems.

Евгения
Степова

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ЕВГЕНИИ ПЕРОВОЙ:

Я все равно тебя дождусь!
Другая женщина
Друг детства
Созданные для любви
Потому что люблю тебя
Индийское лето
Ловушка для бабочек
Нет рецепта для любви
Только ты одна
Все у нас получится!
Мужчины, которых мы выбираем

Круги по воде:
Книга первая «К другому берегу»
Книга вторая «Против течения»
Книга третья «Омуты и отмели»
Книга четвертая «Темные воды»

Евгения Перова
ДРУГАЯ ЖЕНЩИНА

Москва
2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П27

Оформление серии *Г. Ганжи*

Перова, Евгения Георгиевна.

П27 Другая женщина : роман / Евгения Перова. —
Москва : Эксмо, 2021. — 480 с.

ISBN 978-5-04-119301-0

Лёка и Дмитрий, Варвара и Глеб, Андрей и Ирина встречаются друг друга слишком поздно... «Солнечный удар», поразивший героев, ставит их перед моральным выбором — смирить свое сердце или отдаться роковому танцу любви на осколках собственной нравственности. Обстоятельства обязывают смириться. Но, может быть, стоит еще побороться с судьбой за свои чувства и по праву, данному любовью, насладиться краденым счастьем?!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119301-0

© Перова Е., текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

*Другая
женщина*

Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был
И что я презирал, ненавидел, любил.
Начинается новая жизнь для меня,
И прощаюсь я с кожей вчерашнего дня.
Больше я от себя не желаю вестей
И прощаюсь с собою до мозга костей,
И уже, наконец, над собою стою,
Отделяю постылую душу мою,
В пустоте оставляю себя самого,
Равнодушно смотрю на себя – на него...

Арсений Тарковский

ГЛАВА 1

ЖЕНА И ЛЮБОВНИЦА

Для конца августа день выдался на удивление жаркий. Очередь в Екатерининский дворец ползла медленно, и Тома пожалела, что они с ребятами туда затесались — посмотрели Лицей, да и хорошо, но Катюшка была неумолима: как это мы не увидим дворец?! А зачем тогда ехали?

— Мам, смотри! Опять эта тетенька с Настей! — закричал Антошка, подпрыгивая.

— Да не кричи ты так! — Тома оглянулась. Женщину с девочкой они приметили еще в Лицее: высокая моложавая дама с седой прядью в темных волосах и светленькая девочка, хорошенькая и резвая, на вид — ровесница восьмилетнему Антошке, который уже успел с ней познакомиться. Дама слегка прихрамывала и опиралась на элегантную трость. Настя подбежала к ним, потом подошла и ее бабушка — как решила Тамара.

— Пристраивайтесь к нам!

— Спасибо, но мы не будем стоять в очереди. У меня тут подруга работает, мы пройдем с другого входа. Хотите с нами?

— Ой, а можно? — обрадовалась Катя.

— Я думаю, можно. Пойдемте!

— Вот спасибо! А то такая очередь!

После экскурсии подруга новой знакомой пригласила их выпить чаю, и, как ни отнекивалась Тома — неудобно, ну что вы! — отказаться не удалось. Потом они все вместе еще немного погуляли по парку. Настя с Антоном носились наперегонки, а Катя снимала все подряд — фотоаппарат ей совсем недавно подарил отец. Присев на белую ажурную скамейку, женщины улыбнулись друг другу, одновременно заговорив:

— У вас такие большие дети! Сколько же вам лет?

— А вы такая молодая бабушка!

И обе невольно рассмеялись.

— Настя моя дочь. Поздний ребенок.

— Ой, простите!

— Ничего страшного, многие ошибаются.

— Сколько ей? Моему — восемь!

— Ровесники. А девочке лет шестнадцать?

— Четырнадцать. А я вовсе не такая молоденькая — под сорок уже! Просто выгляжу вечной девочкой. Знаете — маленькая собачка до старости щенок.

— А я в сорок два только родила.

— Вы героиня! Если б мне сейчас сказали рожать — да ни за что!

— Вы из Москвы?

— Да. — Тамара не стала углубляться в географические подробности, какая разница — Москва, Подмосковье. — Вот выбрались! Первый раз в Петербурге. Неделю уже здесь, завтра вечером уезжаем. Ноги просто отваливаются! А Катюшка моя неутомная, все хочет увидеть. Ой, я не сказала! Я — Тамара, можно просто Тома.

— Очень приятно. Людмила. Вы тут у родственников?

Тома чуть было не спросила: а как вас по отчеству? — но вовремя сообразила, что не стоит.

— Нет, в гостинице. Муж заказал. Он с нами не ездит, у него вся работа в разъездах, устает.

— Понятно.

Вернулись дети и стали канючить мороженого, Тома махнула рукой — ладно, а то уж очень жарко.

— Только обедать потом все равно будете!

Настя с Антоном умчались в сторону дворца, а Катя осталась — села на соседней скамейке разглядывать и сортировать снимки. Тамара с Людмилой переглянулись, улыбнувшись. Обе чувствовали невольную симпатию друг к другу, как порой бывает с совершенно незнакомыми людьми. Тома, правда, несколько робела перед такой изысканной дамой и казалась себе слишком провинциальной, но все больше и больше поддавалась мягкому обаянию новой знакомой. А та с удовольствием разглядывала миниатюрную Тому: коротко стриженная зеленоглазая брюнетка, одетая в джинсы и простую футболку, выглядела сестрой собственной дочери, уже переросшей маму на целую голову. Не красавица, но вполне симпатичная и такая энергичная!

— Не заблудятся они? — спросила Тамара, оглянувшись на бегущих по аллее детей.

— Нет, Настя хорошо знает парк, мы тут часто бываем. Этим летом, правда, впервые: нога меня подвела — артрит замучил, даже трость пришлось завести.

— Хорошая у вас девочка!

— Вся в отца, — с нежностью произнесла Людмила. — Очень на него похожа. Ваша тоже в папу удалась, правда?

— Да, вылитая! Только, к счастью, поживей. А то папа у нас такой... задумчивый. Но надежный, заботливый.

— У вас хороший брак?

— Да не жалуясь! А у вас?

— Я не замужем, одна Настю ращу.

— Так вы в войну героиня! Он что, бросил вас?!

— Нет, это совсем другая история...

Людмиле явно хотелось выговориться перед незнакомым человеком, а Тому разобрало женское любопытство.

— Ой, простите, я не подумала! Он умер, да?

— Нет. — Людмила улыбнулась. — Жив-здоров. Дело в том... Боюсь, вы меня осудите!

— Ну что вы! С какой стати мне вас осуждать? — Тамара слегка покраснела, потому что, честно говоря, уже осудила: в таком возрасте заводить ребенка просто безответственно, а без мужа — тем более!

— Дело в том, что он женат. И гораздо моложе меня.

Вот это да! У Тома загорелись глаза — она обожала скандальные житейские истории а-ля Пугачева — Галкин! Обсуждая сложные романы и любовные многоугольники звезд шоу-бизнеса или знакомых, она каждый раз испытывала чувство глубокого морального удовлетворения: у нее-то самой все правильно и стабильно. Всякое, конечно, случалось... Но ведь она справилась!

Как можно — изменять, разводиться, соблазнять чужих мужей, заводить романы с юнцами, рожать детей вне брака?! И оправдывать все любовью?! Это же безнравственно! Должно же быть чувство долга! А по-

сколько все вокруг нее только и делали, что разво-
дились и заводили романы, Тома привыкла смотреть
на окружающую действительность с брезгливой снис-
ходительностью, как правоверная среди язычников,
никак не поддающихся перевоспитанию. Но надо
же было узнать подробности, и она постаралась как
можно более естественно произнести сочувственным
тоном:

— Ой, в жизни всякое может случиться!

— Именно так это и произошло — совершенно
случайно! Он тоже москвич, в командировку приез-
жал. И так получилось, что... У них с женой была
в этот момент сложная ситуация... Он сильно пе-
реживал! Это вообще очень эмоциональный, тонко
чувствующий человек. Ну, в общем, я его пожалела.
И теперь у меня есть Настя.

— И вы больше не виделись?!

— Нет, почему? Мы видимся довольно часто. Он
помогает нам с Настей, не оставляет. Дочка, правда,
не знает, кто он. Я сказала — друг отца.

— А как же вы Насте про отца объяснили?

— Да, это была проблема! Пришлось похоронить,
к сожалению. Якобы авария. Ведь там жена, дети.
Я совсем не хотела ничего разрушать! Потом у них
все постепенно наладилось. Как ни странно, именно
я помогла ему вернуться в семью.

— И вы никогда не чувствовали себя обделенной?!

— Нет, что вы! Я так благодарна судьбе! У нас с му-
жем детей не было, и я уже потеряла надежду. Муж
умер, а потом я встретила Диму, и вот...

— Диму?! Надо же! Моего тоже зовут...

И в этот самый момент вернулись Антошка с Настей, притащившие пакетик с пачками мороженого для двух мам и Кати — свое они уже съели по дороге. Антошка еще издали закричал:

— Мам! Ты представляешь?! Мам!

— Антон! Не кричи так, сколько раз говорить!

— Мам, а у Насти такая же фамилия, как у нас! Артемьева! Правда, здорово?

В голове у Тамары вдруг что-то шелкнуло, и, еще боясь поверить до конца, она медленно спросила у Людмилы:

— А кто он по профессии? Ваш Дима?

— Дима? Программист.

— А Настя когда родилась? В каком месяце?

— В марте, чуть-чуть не дотянула до восьмого...

Тома вскочила и дрожащим голосом сказала детям, которые смотрели на нее с удивлением:

— Мы сейчас же уходим! Катя, Антон, пошли!

— Мам, ты что?! Мы же хотели... с Настей...

— Мама, с тобой все в порядке?!

— Тамара, что случилось?!

— Голова! Мигрень! У меня бывает! — Голова у нее болела очень редко, но надо же было как-то объяснить свой порыв. В уме у Тома крутились обрывки разговора с Людмилой и, словно пазлы, складывались в четкую и ужасающую картинку: тоже москвич... женат... гораздо моложе... приехал в командировку... программист... очень эмоциональный, тонко чувствующий человек...

Артемьев Дима!

И если Настя родилась в марте, то встретились они с Людмилой в июне!

Девять лет назад!

Как раз тогда, когда у них с Димкой...

Как Людмила сказала? Была сложная ситуация?

И Настя!

Она так напоминает ее собственную Катю!

Обе светленькие, с серыми глазами...

Значит...

Обе похожи на своего отца.

Боже мой!

Весь мир для Тамары перевернулся. Она решительным шагом направилась к выходу из парка, дети, переглянувшись, последовали за ней — они знали: когда мать в таком настроении, ей лучше не перечить. Катя виновато обернулась к изумленной Насте и растерянной Людмиле:

— Простите, пожалуйста! Не знаю, что на нее вдруг нашло? Мы вам очень благодарны за экскурсию! И вообще!

— Да ничего страшного, не переживай... Мигрень — это очень тяжело, я знаю...

Томка Шилова и Димка Артемьев знали друг друга с младенчества — выросли в соседних квартирах. Жили они в подмосковном поселке Филимоново, располагавшемся километрах в пятнадцати от Кольцевой. Вроде бы недалеко от столицы, но на редкость неудобно — электрички останавливались редко, особенно после того, как станцию переименовали в платформу.

Застроен поселок был хаотично и неравномерно: деревенские улицы с пасущимися козами и квохчу-

щими курами, овраги, неожиданные лесочки, одинокая кооперативная кирпичная пятиэтажка, в которой и жили долгие годы Шиловы и Артемьевы, пока Димка с Томкой не купили квартиру в райцентре; остатки деревянных бараков и два крошечных микрорайона: первый состоял из трехэтажных домиков, построенных еще в 1950-е годы, а второй — из белых хрущоб в пять этажей.

Семьи Шиловых и Артемьевых удивительным образом походили друг на друга, как негатив и позитив в фотографии: если у Артемьевых отец был наладчиком на заводе металлоконструкций, а мать — бухгалтером, то у Шиловых, наоборот, экономистом был отец, а мама работала шлифовщицей. У Артемьевых — две дочери-погодки и сын Димка, появившийся на свет спустя восемь лет после сестер. У Шиловых — два сына и дочка следовали друг за другом, как вагончики товарного состава. И если у Шиловых имелся дед — балагур и выпивоха по прозвищу Шило, то у Артемьевых, в пару к соседскому деду, была бабушка Поля — тихая и ясная, как цветик полевой, как говаривал тот же дед Шило.

Димка с Томкой тоже представляли собой некое единство противоположностей: тихий задумчивый мальчик не расставался с книжками — бойкая энергичная девчонка была главной заводилой класса. И даже внешне они совершенно разные: светловолосый Димка, хрупкий и болезненный в детстве, к концу школы сильно вытянулся и окреп, а смуглянка Томка, буйными черными кудрями пошедшая в деда, так и не выросла, чему втайне сильно огорчалась.

Их общая подруга Варвара однажды так объяснила разницу человеческих темпераментов: «Энергии всем людям одинаково отмерено, только у нас с Димкой она спокойно по организму растекается, как вода в пруду, а у тебя, Том, ей разгуляться негде, вот она и прет наружу! И вышел из тебя веник с мотором. А мы с Доном — спокойные, как в танке».

Димка, получивший свое прозвище Дон Артемио с легкой руки учительницы литературы, усмехался про себя: он один знал, чего стоит это спокойствие. Прозвища были почти у всех в классе: Варька, конечно же, Варешка, а Томку все звали Тигрой. Никто уже не помнил, откуда взялась эта кличка, но в Томке действительно было что-то от тигренка, готового чуть что зарычать, прыгнуть и оцарапать. А то и укусить. Вот и сейчас — она вспыхнула и вскочила, зашипев:

— Спокойные они! Сонные тетери, вот вы кто! Живете, как жвачку жуετε: ах-ах, лютики-цветочки! Ну и целуйтесь теперь друг с другом, раз так! — и побежала от них к пруду.

— Тигра! Эй! Ты что?!

— Да брось, Дон, — тихо сказала Варька. — Вечно ты вокруг нее плясешь! Остынет, придет. Подумаешь, чего я такого сказала-то?!

— Она на веник обиделась.

— Да чего обидного-то?!

Но Дон ее уже не слышал — побежал догонять Томку. Тигра сама знала, что вспыльчивая. И обидчивая: иногда так накатывало! Просто насквозь пронзало иголкой горькой обиды. Вот как сейчас. Конечно, разве они могут понять, каково это — смотреть на всех